

T. V. Chumakova

VLADIMIR N. BENESHEVICH ON THE CHURCH AND REVOLUTION*

The article is based on the studies of the archive of Vladimir N. Beneshevich, Byzantinist, Paleographer, and canon law historian who was repressed in 1938. His archive contains documents, which provides us a possibility to get an insider's view on many important events of the first years after the Revolution (1917–1922): the autocephaly of the Church of Georgia, reforms of the Russian Church, and the shaping of the 'renewal' movement inside it ('Obnovlenie'), and the attitude of Christian intelligentsia to state ecclesiastical politics. Beneshevich took an active part in the religious life of the country during the first post-revolutionary years. In 1917, he was sent on an official journey to Tiflis by the Provisional Government as a Provisional Representative on matters related to the Church of Georgia; he participated in some meetings of the Holy Synod of the Russian Orthodox Church. Copies of messages from ecclesiastic persons are of special interest, as well as anonymous writings on the topic of the Church reforms, and Christian attitude toward the laic and ecclesiastic powers. These documents are the focus of attention for the first time. The article is an attempt to reconstruct Beneshevich's perception of the ecclesiastic life of the epoch. In the appendix to the article documents from the funds of the Saint Petersburg Branch of the RAS Archive (archive of Vladimir N. Beneshevich) are provided. With the help of these documents, we can try to recreate the religious life of the years between 1917 and 1920. Refs 11.

Keywords: history of Religion in Russia, revolution of 1917, the history of the study of religion in Russia.

T. B. Чумакова

ВЛАДИМИР БЕНЕШЕВИЧ О ЦЕРКВИ И РЕВОЛЮЦИИ

Статья основана на изучении документов из архива византиниста, палеографа и историка канонического права В. Н. Бенешевича, репрессированного в 1938 г. В архиве хранятся документы, которые помогают изнутри увидеть многие важные события первых лет революции (1917–1922): автокефалию Грузинской церкви, реформирование Русской церкви и зарождение обновленческого движения, отношение верующей интеллигенции к государственной церковной политике. Бенешевич принимал активное участие в религиозной жизни страны первых послереволюционных лет. В 1917 г. был командирован в Тифлис по заданию Временного правительства в качестве Временно уполномоченного по делам Грузинской церкви, участвовал в заседаниях Священного Собора Православной российской церкви. Особенный интерес представляют копии писем церковных деятелей, а также анонимные произведения, посвященные теме церковных реформ и отношению верующих к властям светским и духовным. Эти документы впервые стали объектом исследования. В приложении к статье впервые публикуются документы из фондов Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (архив В. Н. Бенешевича). С помощью этих документов мы можем попытаться воссоздать религиозную жизнь 1917–1920 годов. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: история религии в России, революция 1917 г., история изучения религии.

Chumakova Tatiana V. — Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; t.chumakova@spbu.ru

Чумакова Татьяна Витаутасовна — доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; t.chumakova@spbu.ru

* This article was prepared for the RSF project Nr. 16-18-10083 "The study of religion in social and cultural context of the epoch: the history of religious and intellectual history of Russia in the first half of XIX–XX centuries."

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2017

Beneshovich Vladimir Nikolaevich (1874–1938) — Byzantinist, archaeographer, specialist in paleography, historian of ecclesiastic law. Correspondent Member of the Academy of Sciences in the Department of historian disciplines and philology (history) since 1924. Member of Academy of Sciences of Strasbourg (1914), Bavarian Academy of Sciences (1927), Academy of Sciences of Berlin (1929). Honorable Doctor of Law of the University of Athens (1912), Honourable Member of the Society of Byzantine Studies of Athens (1927). He was intensely involved not only in the research, but also in the administrative work; he was a member of various commissions of the Academy of Sciences (Commission for the history of knowledge, Russian-Byzantine Commission “Constantine Purpurogenite” (1918–1930) [1], and others). After 1922, he was arrested several times: in 1922, as a participant of the Petrograd Affair on the protests against the confiscation of church possessions (they were confiscated under the pretext of purchasing food); in 1928, he was accused as a spy for the sake of Vatican and an organizer of a certain Union between the Russian Orthodox Church and the Roman Catholic Church — he was sent into exile to Solovki; in 1930, he was arrested as a participant of the so called “Academic Affair” framed-up against Academician S. F. Platonov [2] — he was sent into exile to Ukhta. On the petition of historian of religion and revolutionary activist V. D. Bonch-Bruевич, he had been returned to Leningrad, where he worked in the Public Library (he was invited there by Nikolay Marr) and taught in the Leningrad University till 1937. Last time Beneshovich was arrested on November 27, 1937; he was shot on January 27, 1938. He was excluded from members of the Academy of Sciences with a resolution of the General Assembly of the Academy of Sciences on April 29, 1938. The wife of Beneshovich was numerously arrested, but she was the only survived in the family. Their twin sons and the younger brother of Beneshovich Dmitry, who always supported him, were shot in 1937. After Stalin’s death, Amatha-Liudmila Beneshovich pressed for rehabilitation of all members of the family. Beneshovich was rehabilitated in summer 1958; and in December 1958, he was restored in the Academy of Sciences posthumously. Thanks to the efforts of the wife of Beneshovich, the documents were collected — they are kept in the St. Petersburg archive of the Russian Academy of Sciences now. There are not only manuscripts by Beneshovich, but also numerous materials on his activity after the Revolution 1917, and anonymous manuscripts on the ecclesiastic life of Petrograd in 1920-s. The very fact of preservation of these documents is stupendous, because the most part of these documents are original documents of the Provisional government, correspondence of Petrograd priests in 1920–1922, and anonymous texts with criticism of authorities.

V. N. Beneshovich graduated from the Law Faculty of the St. Petersburg University in 1897; this fact is enough to explain his further ideas and positions. The law was above all for him — above political interests, above his own ideology. It is strange, but such adherence to the law played a deplorable role in biographies of Russian researchers both before and after the Revolution 1917. Belief in the primacy of law and strong adherence to the principles of freedom of conscience have never met appreciation of the authorities. But is in the Russian Empire of the early-twentieth century a researcher could loose his job position, a quarter of the century later he could loose his life. His freethinking was e reason of his discharge in 1905 (he taught the ecclesiastic law in the Imperial Alexander lyceum), in 1909 (St. Petersburg Spiritual Academy), in 1911 (Military Law Academy). The only place, from which Beneshovich was not discharged, was the St. Petersburg University, where he taught the canon law. The piety of Beneshovich was not formal, he tried to understand the

structure and the essence of the Christian Church. As he noted in his autobiography, his interest for the Church structure, and therefore for the canon law of the East Christian Church was shaped under the influence of the works by Lev Tolstoy, and because of his involvement into the ecclesiastic life (in gymnasium he was a churchwarden of the school church) (see [3]), as well as the fact that his mother was a daughter of a Belorussian clergyman (deacon Augustine Vitorsky). His studies of Slavic, Georgian, and Greek manuscripts in collections of Europe, Middle East, and Northern Africa were resulted in thesis and books on canon collections of the sixth — eights centuries.

The February Revolution 1917 gave Beneshevich some hope on transformations in the ecclesiastic life. Almost at once, the Provisional government declared the changes in the relations between the state and the Church. On March 20, 1917, they issued a declaration 'On the abolition of confessional and national limitations'; and in summer 1917, they promulgated the first law on freedom of conscience in the history of Russia. Those regulations were directly related to the life of Beneshevich. He was married to a daughter of the famous researcher in the field of classic studies Faddej Francevic Zielinski (Tadeusz Stefan Zieliński) [4] — Amatha, who was Catholic; her confession gave rise to his discharge from the Spiritual Academy in 1909.

In the period of transformation of the legal relations between the state and the Church, the assistance of a specialist in canon law was in high demand. Beneshevich took an active part in reforming the structure of the Russian Orthodox Church. As he wrote in his autobiography, "in 1917–1918, I was a member of the Moscow Church Council and an assistant of its Secretary; at that, I was responsible for logging and issuing newsletters of the Council meetings; there were several volumes edited by me". But that part of the scholar's life was not reflected in the documents of his archive. In return, a lot of documents describe his activity as a representative of the Provisional government on the matter of providing autocephaly for the Georgian Church. The point is that, when Georgia entered the Russian Empire in 1801, according the Orthodox canon law, its Church lost the independence [5]. Before the Revolution 1917, Georgians numerously asked to return their Church its autocephaly. And just after the Revolution, clergymen and laic people gathered in Mtskheta and declared the autocephaly of the Georgian Church [6, p. 99–120]. At the moment, Georgia was a part of Russian, and clergymen received salaries from the state. But the Provisional government took a number of regulations on freedom of conscience, and declared a creation of a laic state without a formal state confession. That new state faced a problem of the Georgian Church. Many liberals believed that the decisions of Georgians should be supported without reserve. But Beneshevich, sent to Tiflis (Tbilisi), relied on the canon law and on the solution found for the Armenian Churches in Russian (the Armenian Gregorian Church, which included the most part of Armenians of the Russian Empire, and the Armenian Catholic Church, which included the most part of Armenians in Georgia) [7]. The Armenian Church had been never subordinate to the Russian Church. On the base of the fact, Beneshevich offered temporary rules for the new Church, strongly objecting against the immediate acceptance of the Georgian autocephaly. It brought him anger of many liberals and shocked Georgians who had no doubts in his approval of their autocephaly. Archival documents show almost a detective story happened in Tiflis (Tbilisi). Declaring the autocephaly, Georgians took certain documents from the Synodal Office at once; they could compromise bishops and officials of the restored Georgian Church. The most complicated relations were between Beneshevich

and an old advocate of the Georgian autocephaly, Priest Christopher (Tsitskishvili) [8], who — judging the correspondence — behaved himself in a quite provocative way. A decade later, it was Christopher (Tsitskishvili), who became Catholicos of Georgia after the arrest of his predecessor and bishops close to him, called for believers to accept the Soviet power without reserve, and broke relations with Georgian emigrants.

Documents of 1917–1918 on the reform of the parish life in the archive of Beneshevich are of special interest. Ideas of a new parish rule with a more significant role of laic people were close to his understanding of the Church structure, so, he took part in its working out. That parish rule was to make parish similar to Early Christian community, a group of believers.

Documents of 1920–1922 could be classified into two parts: those on the reform of the Russian Orthodox Church, the activity of Metropolitan Alexander (Vvedensky), one of the leaders of the Living Church movement (also known as the Renovationist Church) [9]; and anonymous texts (stories and letters) on the ecclesiastic life in Petrograd in 1920–1922. In the same archive, there are letters by Archpriest Alexander (Boyarsky) to Metropolitan Alexander (Vvedensky) on the further ways of development of the Russian Church in its relation to the state. They are copies of the letters, perhaps, they were in use among believers; but they might be kept in the archive of Beneshevich only, because they left unknown to researchers. There is also a noteworthy letter — supposedly, by Archpriest Alexander (Boyarsky). It was addressed to Metropolitan Benjamin of Petrograd and Gdov; it contains interesting ideas on the relations between the state and the Church in Russia of 1920-s. All the above-mentioned texts are preserved in typewritten copies. But there are also handwritten documents in the archive. One of the most interesting among them is a short essay written after a church service in November 1922. It is called ‘At the Bishop’s Service (Thoughts and Feelings of a Layman)’. It describes considerations of a laic man who comes to a church service held by the young Metropolitan Nickolas, Bishop of Peterhof, whom the author remembered as a gymnasium student. The essay must be written by Beneshevich himself, and the final abstract of the text reflects his thoughts of 1922 on the ecclesiastic life in Russia, and his hope at the further religious restoration, and his belief in the refinement of the Church from formal piety. “I considered that in our louse-infected, hungry, and naked Russia, where churches are been closing, where they try to liquidate religion, there is something which is not anywhere in Europe: the true, real piety, which is ready for any sacrifices up to jail and death, and German thinkers Spengler, and Keiserling are right, when they take Russians mainly for religious people, but one of them, Keiserling, even exclaimed: ‘Yes, Russia is the only country pleasing to God now’.

With such thoughts and feelings, once again I almost ignored an ugly, cynical talk of two leather jackets walking before me... Who knows, a year or two will pass, and may be these leather jackets, now blaspheming and using foul language, will come to the God’s church and will pray hot and in tears, because the Russian character is incomprehensible, and even more the ways of the God are inscrutable — the ways where He is leading us...

And in this light and clear night, after all endured, I would like to believe, as great Dostoevsky believed, that the time will come, and the Russian people will say a great, beautiful and true-Orthodox word to all world, a word of love and brotherhood, not words of hatred and evil which some others say from its name now”.

The Oration said near the Mtskheta Catholicos Cathedral on March 12, 1917, the day of restoration of the independence (independence) of the Georgian church¹ [10]

Слово, сказанное в ограде Мцхетского католикосского собора 12 марта 1917 года, в день восстановления самостоятельности (независимости) Иверской церкви

Граждане, сыны родины, братья и сестры, чада Иверской церкви! Радуется и ликует ныне народ наш не взирая на те стоны и слезы, которые раздаются по всем углам нашей страны по павшим сынам родины на поле брани, — сегодня все же на лицах всех сияет радостная улыбка, все мы воодушевлены, мы переживаем не передаваемой никаким языком животворное чувство небесной благодати. Как будто наступает для нас день воскресения Христова. В день Воскресения, если даже в доме будет лежать покойник, он все же с радостью встречает этот день, он все же испытывает духовную радость. Это плод невидимой силы, которая имя — Божия благодать. Это радость победы жизни над смертью, это поправление адовых узъ, это залог победы жизни над смертью, это есть поправление светом тьмы. Но праздник Воскресения настанет для нас в этом году 2-го апреля. Так что же вызвало столь несвоевременно наше Пасхальное торжество. Что же собрало здесь нас сегодня в таком виде, в таком соединении, в таком избрании из разных уголков Грузии. Что породило в нашем ужаленном от скорби сердце эту радость? Что могло вызвать среди грузинства, находящегося под игом тяжелого рабства, сознание своих гражданских прав и чести? Как могла произойти столь беспримерная смелость объединения среди служителей Иверской Церкви, сто пять лет тому назад лишенных Господства? Они, не спрося наших духовных опекунов, собрались сегодня здесь и фактически возновили в продолжение долгого времени заброшенный и преданный забвению, завещанный апостолами строй правления церковной жизни, — Церковный Собор. Да, сегодня здесь мы свободно открыли Церковный Собор, который поставил на ноги родную церковь, безжалостно сваленную на большой дороге, протянул ей руку и восстановил приличествующий ей жизненный путь. Все это даровал нам великий акт, 2 марта, происшедший в Петрограде, и одним ударом сокрушил укоренившееся, не знающее удержа самодержавие, раздробил оковы рабства. Этот акт освободил совесть ставосьмидесяти-миллионного населения Русского Государства, снял положенный на язык замок, и слово, этот украшающий человека, Богом названный талант, всячески связанное, стесненное, стало свободным, открыто стало вещать, стало говорить. Всякий русский-подданный, не взирая на его народность, верование и политическое убеждение, признан гражданином, и его имущество, личность, дом и честь отселе будут неприкосновенны

Уничтожилось самоуправство, уничтожилось лукавство, уничтожилось узаконенное изменничество, уничтожился грех Иудин. Да, совершился величественный акт, акт возстания из мертвых живущих в России народов, акт обновления, оживления и телом и душой русских народов. Этому радуется сегодня вся Россия, пред

¹ Typewritten text with handwritten editing (original).

этим радостно трепещет всякий гражданин, всякий союз, всякое учреждение, рабочий, военный, купец, ремесленник, священник и монах, бедный и богатый, великий и малый. Ныне вопиет «демос», т. е. народ. Народ победил, глас народа — глас Божий

На этом всеобщем пире преимущественно радуется и ликует многострадальный народ Грузинский, утерявший надежду, обманутый, союзником обращенный в рабство, единоверцем осрамленный, сравненный с землей, разбойнически ободранный, раздетый, лишенный воды и земли и так искусственно поставленный на путь вырождения, потери народности, потери народного сознания! Ни на одной культурно-исторической народности не обнаруживалось от деспотической России такое несчастье, такое и духовное и вещественное бедствие, какое постигло нас — Грузин. Не знаю, на что мне жаловаться, на что указывать мне: на наше ли уничтожением, на наше ли обезличивание? И необходимо ли сегодня говорить и проповедовать об этом? Что знаешь, чего о том спрашиваешь, по поговорке. Но сердце не успокаивается, оно спешит обжаловать! Из надтреснутой груди выблевывает горечь 116-летнего рабства. Сколько раз раздирали нашу по государственному трактату присоединившуюся к России родину? Сколько раз снимали честь с наших невинных матерей, сестер и детей! Обезчестили всю страну. Горькая повесть летописца по этому поводу покрывает печатью вечного, несмываемого срама имена грешников, предателей, нарушителей клятвы и взяточников! Сколько молодых невинных людей падало жертвами самоуправства. Сколько из них умерло в крепостях и тюрьмах деспотии, костями скольких из них усеяны сибирские дебри, каторги и тундры. О, несправедливо замученные, невинные жертвы, наши 19 века великомученики, блаженный католикос Антоний, Филадельфы, Кикнадзевы, Додоевы! Услышите обращенный к вам наш вопль, наше воздыхание! Хоть ныне возрадуйтесь духом!

Выгонялись к нам различные племена! Поселили среди нас проходимцев, возгаражи между нами ненависть, зависть и пагубную месть, чтобы мы истребляли, переели друг друга, чтобы нашу солнечную, нежную и сладкую родину могли вырвать из наших рук и присвоить себе. И этим не ограничились. Прикоснулись к святому-святым человека — осквернили совесть, сломали купол на нашем животворящем храме, обезглавили церковь, изгнали из отечества и там убили и схоронили. По повелению генерала поставили правителем Иверской церкви чрез посредство Экзарха Русский Синод! Таким образом, русскую церковь, эту младшую сестру Иверской Церкви, поставили госпожой над нами: дабы заставить сестер возненавидеть друг друга. Унизили и разорили церковные, установленные вселенскими соборами каноны. Взяли от нас нашу весьма древнюю святыню, молитвенные места, соборные монастыри, тысячу раз кровью нашего мученического народа политые, те святыни, фундаменты стен коих окроплены и насыщены их мозгами. Не остановились и пред почитаемым местом покоя нашей святой просветительницы Нины, взяли от нас, передали каким-то монахиням и основали гнездо — орудие для перерождения нашей народ. Обратили нас в нищих. Ограбили иконы, дорогие украшения, драгоценные камни и жемчуга увезли и продали. Оцененные в 14 миллионов земельные владения Иверской церкви отобрали от нас и приняли в казну, оставили без куска хлеба церковь и ее служителей, уничтожили, ввергли в экономическое рабство чтобы еще легче уничтожить нас. И этим не удовлетворились. Нравственно принизили грузинское духовенство до такой степени, что мы сами собствен-

ными руками выкалывали глаза у лишенной власти матери церкви. Сказано, враг никогда не может причинить того вреда человеку, какой он сам себе причиняет. Удивительно оправдалась на нашем духовенстве эта поговорка. Действительно, синодские деятели находили среди нас преданнейших себе рабов — агентов. Эти последние до того изловчились в своем позорном искусстве, что достигли удивительной изворотливости и лицемерия. Современные книжники фарисеи лицемеры работали на два фронта. Вместе с ними якобы интересовались церковными вопросами и вместе с тем подкапывались под нас с нашими ближними врагами (своими родственниками-врагами). Размахивая кадилос, они развели костер среди нас, посеяли такую ненависть, что и днесь, даже в момент нашего обновления и возрождения, мы не в состоянии возвыситься и освободиться от уничтожающего все интриганства. Из нашей родины изгнали именитого ученого, маститого иерарха епископа Кириона, прямосердечного, чистого мученика за справедливость епископа Кириона и архимандрита Амвросия.

Вот — братия и сопастыри — как вороны облепили наши монастыри и не стесняясь грызут и рвут. Эти узаконенные грабители, украшенные разноцветными крестами и медалями, и обнаряженные мантиями, бантами, митрами, беззаботно проводили время, смеясь и улыбаясь тащили в бездну нашу родную страну и ее церковь

Но ...сь нами Бог. Настал час обновления, возрождения и восстановления нашей церкви. Вот мы уже собрались сегодня, чтобы вступить в охрану нашей церкви, на материнских персях коей возросла известная древняя и христианская культура грузинского народа. Станем охранять омытую кровью, украшенную мученичеством Иверскую церковь. Она для всякого грузина, без различия веры и направления его, одинаково желанна и дорога. Она много для всех потрудилась

Наша церковь присно сеяла свет, правду и любовь, пока за биением ее пульса не стали следить иные. Они никогда не стремилась к господствованию над народом. Наша церковь не знает, что такое европейский или синодский клерикализм. У народа — демократа не может быть иной церкви, как церкви апостольской, матери для всех гонимых, труждающихся и обремененных. Соберитесь, братия и сестры, святители и священники вокруг престола Животворящего Столпа. Здесь подумаем, здесь обсудим, здесь вырешим, как и какими средствами, какими путями помочь нам заброшенной, разгромленной родной церкви, как восстановить нам храм Животворящего Столпа.

О, взгляните, возлюбленные, на что похожа наша гордость, наша краса — вековая работа народного искусства, архитектуры и живописи, какими мрачными, какими ободранными и какими плачевными смотрят на нас эти громадные столпы. Как холодно, как опустошающего все здесь Почему? Зачем? Кто так поступил с тобой? Безпризорность — отвечает нам с купола эхо.

Так поищем же хозяина, попечением сердобольного Животворящему Столпу, нашей матери, Столпу Животворящему, чтобы этот попечитель собрал нас всех под своими отцовскими крылами и повел бы нас служить родному народу его, нравственному совершенствованию, очищению, общественному самоопределению и народному прогрессу

Мы наши сограждане. Всякому свое, возлюбленные. Ты пей свое, воскликнем филином, над нами же да будет крест

Дадим сегодня здесь друг другу клятву, чтобы в деле возрождения нашей церкви не примешивался никто посторонний, не примешивались выгода, расчет, чтобы не заслонили, не затемнили доброго и животворящего луча, возсиявшего для нас ныне. Дыхание, энергию, материальность и готовность выдвинем вперед и пойдем, повлечемся за ними, заработаем и скоро увидите, как «обновлюсь, яко орли трость наша».

Услыши Господи, помоги нам, наше упование, Богородица, хитон Господень, миро Мцхетское, предстательствуйте наши святые Нина, Мариань и Нина, блаженные католикосы, архипастыри, цари, царицы и сыны родины, здесь почивающие. Мы здесь чувствуем, здесь испытываемъ вашу к нам близость и радость. Клянемся никогда не осиротнять тебя, Столб Животворящий.

Ты же журчи и помни все это, почтенная Кура. Вместе с ним воспевай Арагва Арагвиана, наш славный Иордан, наша купель, наше святое миро. Смотрите. Церковь Креста Зедазнийская обитель, Армаз и все окрестности сорадуются и вместе с нами громко провозглашают: да здравствует в свободной России свободная Грузия и в ней автокефальная, крестоносная церковь Иверская

At the Bishop's Service (Thoughts and Feelings of a Layman) ² [11]

За епископским служением (Мысли и чувства мирянина)

Темный ноябрьский вечер, в воздухе туманно и морозно, и эта неприветливость петербургской погоды создает какой-то особенный контраст с залитым огнями и полным тысячами молящихся большим храмом, стоящим недалеко от покрытой сероватым туманом, только что замерзшей Невы; Освещение храма и тьма непроглядная вокруг него невольно заставляет вспомнить слова Евангелия: «И свет во тьме светится и тьма его необъят».

В храме идет торжественная всенощная, несмотря на будний день по советскому календарю, народу как в Пасхальную заутреню; многие, я знаю, пришли пешком с противоположных окраин города, чтобы только побывать за престольным праздником и служением православного епископа, последнего, как сознают они, и тем более дорогого и любимого: многие, многие из молящихся знают, что вот сегодня он в полном блеске своего епископского облачения, поддерживаемый иподиаконами, окруженный диаконами и почтенными старцами протоиереями совершает свое служение: а завтра, завтра быть может, за ним где-нибудь на Гороховой 2, закроется дверь в камере, кишашей вшами и тем многочисленным людским потоком, который сейчас заполняет тюрьмы России...

И в сознании этого истовее совершается крестные знамения и ниже склоняются головы молящихся, когда слышат они голос молодого исаакиевского протодиакона, возглашающего в ектение или многолетия имя ГОСПОДИНА НАШЕГО ПРЕОСВЯЩЕННОГО НИКОЛАЯ ЕПИСКОПА ПЕТЕРГОФСКОГО».

А сам он, молодой епископ, которому только недавно пошел 32-й год, что чувствует, что переживает он? Ведь великие, таинственные, незримые для глаз внешне, но чувствуемые каждым токи соединяют сейчас его сердце, его душу с сердцами и душами молящихся: и с душой вот этой подслепаватой старушки, которая

---

² Typewritten text with handwritten editing (original). November of 1922.

в церковь приплелась, держась за свою 12-и летнюю внучку и с сердцем вот этой стройной, красивой барышни брюнетки, которая быть может, завтра будет весело смеяться в театре или на вечере со своими знакомыми, но сейчас вся отдалась молитвенному восторгу; с глубоким чувством, вижу я, смотрит на епископа и старый профессор, знаменитый ученый, когда-то большой либерал и отрицатель церкви и церковности. И думается мне, что в эти минуты мы все, молящиеся, вместе с епископом нашим, составляем единую душу — единое тело: по истине в эти мгновения исчезают различия положений, возрастов, образований и верующие составляют идеальную Церковь Христову, которую не одолеют никакие силы зла...

А в светлых глазах и приятном чисто русском лице молодого архиерея я читаю не только глубочайшее чувство радости и молитвенного восторга, но и мысль о великой ответственности перед Богом за все те тысячи душ православных, которые молятся сейчас вместе с ним в этом храме; и в эти минуты общения молитвенного с верующим православным народом, я думаю, всего более вспоминаются чудные слова слова архиерейской молитвы за литургией: «Призри с небеси, Боже, и виждь, и посети виноград сей, его же насади десница твоя».

Но вот прочитано Евангелие, и архиерей вышел на амвон, чтобы говорить проповедь; вся масса народа подалась, насколько было возможно при таком количестве, вперед, чтобы лучше видеть и слышать своего Владыку; я видел, как люди напрягали свой слух, чтобы не проронить ни одного слова из его проповеди. Я сначала как-то не вслушивался в его слова, а невольно мысль моя унеслась в далекое прошлое: я вспомнил о том, как нынешний епископ Николай розовеньким безусым гимназистом 6-го, 7-го класса читал в нашей гимназической церкви, где отец его был настоятелем; вспомнил я его и после молодым и блестящим студентом, великолепно танцевавшим на институтских и гимназических балах, и никто не мог подумать тогда, что он пойдет в монахи... Но исчезли эти образы далекого, невозвратного прошлого и я стал вслушиваться в то, что говорил своим высоким, певучим и несколько нервным голосом молодой архиерей... Тема была о мученичестве и преследовании христиан; форма была его речи, как всегда красива, изящна, но не в ней была суть

Суть даже была не в самой теме и рассказе: вещи говорились мне лично давным-давно знакомые и много раз слышанные, (л. 12) нет дело было совсем в другом: важно было кем говорилось и кому это все говорилось: говорилось это тем человеком, который, быть может, обладает, еще более слабой физической организацией (он болен астмой) чем многие из нас, который, как мне казалось, не обладал еще той неколебимой твердостью воли и духа, которым обладали некоторые другие церковно-общественные деятели, который наконец еще так молод и в силу молодости ему куда более вероятно, дороги чем людям зрелым и пожилым и ясное небо, и свет солнца и дорогое чувство свободы; и однако вот он теперь решительно и твердо пренебрегает всем этим и готов идти на подвиг, даже на страдание и самую смерть. Ведь так легко сейчас при каком-нибудь сидении или высылке заразиться чем-нибудь и идти туда, куда ушел недавно о. Петр Балыков. Но чего ради же он идет на все это? ради веры, веры православной, христианской, во всей ее истине и неприкосновенности, а как однако много соблазнов чтобы найти какую-то лазейку для того, чтобы избегать всяких возможных жизненных неприятностей: ведь надо поступиться только немножко, только чуть-чуть, своею совестью. Ведь

нашли же эти лазейки сотоварищи еп. Николая — протоиереи Платонов, Боярский и другие. Многие особенно наши молодые и казалось столь твердые проповедники и «столпы» православия.

И великая историческая заслуга еп. Николая перед верующим православным народом в Петрограде и перед Церковью Православной вообще, та, что он после нескольких моментов колебания и раздумия, столь свойственных его характеру и молодости, стал твердо и неуклонно на страже Церкви, не боясь ничего

Вот почему слова его столь простые и известные о мученичестве и подвижничестве совершенно лишены политических выкриков, которыми столь злоупотребляли теперешние руководители «живой» церкви, получали в его устах именно великолепно значимость. Вот почему и идет к нему народ православный со всех концов Петрограда

И казалось мне, что слушали речь нашего молодого епископа не только все молящиеся в храме, но слушали его мученики, и исповедники и учителя церкви, строгие лики которых глядели на нас с икон храма...

Всенощная окончилась только в 11 часов вечера, и еще некоторое время после продолжалось благословение народа епископом. И опять незабвенная трогательная минута: подходя под благословение, какая-то женщина средних лет в полголоса произносит: «Господи, сохрани нам нашего последнего, православного епископа». И эта своеобразная молитва, вырвавшаяся из глубины сердца этой простой верующей женщины в полной мере отразила в себе чувства и пожелания каждого из нескольких тысяч молящихся сегодня в этом храме... Окончив благословлять народ Епископ разоблачился, одел рясу и стал выходить из храма. Вся масса верующих бросилась за ним и никакие разговоры не помогали, люди толкали и давили друг друга, чтобы еще несколько секунд поглядеть их епископа услышать его фразу, поймать его взгляд

Я выходил одним из последних, ко мне обратилась вдруг неожиданно группа молящихся с такими словами: «Мы Вас знаем, профессор, Вы читали у нас в зале лекцию в прошлом году, скажите где служит в следующее воскресенье епископ». «А разве Вы постоянно бываете за его служением» спрашиваю я их, хорошо зная, как далеко стоит их храм от того, в котором сейчас совершалось служение. «Да почти постоянно. Да разве можно лишать себя православным такой благодати».

Опять простым верующим человеком были сказаны золотые слова: ведь здесь сейчас почти физически ощущалось присутствие божественной благодати...

Когда я возвращался домой, погода была уже совсем другая: туман рассеялся предо мной ярко блестело величественное созвездие Ориона. И душевное состояние человека, мятущегося и беспокойного и слабо верующего, очищенное и подкрепленное этой чудной епископской службой, как нельзя более гармонировало со светлым, величавым спокойствием природы...

И думалось мне, что вот здесь в нашей обовшившей, голодной и раздетой России, где закрывают церкви и силятся уничтожить религию есть то чего нет уже нигде в Европе: есть религиозность подлинная, настоящая, которая готова на всякие жертвы до тюрьмы и смерти включительно и правы немецкие мыслители Шпенглер и гр. Кайзерлинг, которые продолжают считать русский народ по преимуществу народом религиозным, но один из них, а именно Кайзерлинг даже воскликнул: «Да Россия, единственная Богу страна в наши дни».

С этими мыслями и чувствами я опять пропустил мимо ушей отвратительный циничный разговор двух кожаных курток шедших впереди меня... Кто знает пройдет год, два и быть может и эти кожаные куртки, сейчас кощунствующие и сквернословящие придут в Божий храм и будут горячо и слезно молиться, ведь непостижим характер русский и еще более неисповедимы пути Господни, которыми он ведет народ наш...

И в эту светлую ясную ночь, после всего, того, что было пережито, мне хотелось верить, так как верил великий Достоевский, что еще придет время. и русский народ скажет всему миру великое, прекрасной и истинно-православное слово, слово любви и братства, а не слова ненависти и злобы, которые сейчас от его имени говорят другие

Ноябрь 1922

References

1. Barynina O. A. Otechestvennoe vizantinovedenie na rubezhe epoch: Russko-vizantiiskaia Komissiiia (1918–1930 gg.) [National Byzantine Studies at the Turn of the Era: The Russian-Byzantine Commission (1918–1930)]. *Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Proceedings of the Faculty of History of St. Petersburg University], 2010, no. 4, pp. 1–323. (In Russian)
2. Kolchinsky E. History of Science in Russia in the 20th century: St. Petersburg as a Case Study. *Almagest*, 2011, vol. 2, issue 1, pp. 4–34.
3. Shchapov Ia. N. Polnyi tekst «Avtobiografii» V.N.Beneshevicha [Full text of “Autobiography” of V.N.Beneshevich]. *Vizantiiskii vremennik* [Byzantine annals], 2005, vol. 64 (89), pp. 335–342. (In Russian)
4. Zaborowski R. Tadeusz Zieliński (1859–1944) — sa vie et son œuvre. *Annales du Centre Scientifique à Paris de l'Académie Polonaise des Sciences*, 2009, 12, pp. 207–222. (In French)
5. *Witness Through Troubled Times. A History of the Orthodox Church of Georgia, 1811 to the Present*. Eds T. Grdzeldze, M. Gerge, L. Vischer. London, Bennett and Bloom, 2006, 271 p.
6. Jones S. The Georgian Orthodox Church. *Eastern Christianity and the Cold War, 1945–91*. Ed. by Lucian N. Leustean. London, New York, Routledge, 2010, pp. 99–120.
7. Werth P.W. *Imperial Russia's Multiconfessional Establishment: The Institutional Domestication of the Foreign Confessions*. Available at: <http://harriman.columbia.edu/files/harriman/01167.pdf> (accessed: 12.05.2017).
8. *Elites and “Elites”: Transformations of Social Structures in Post-Soviet Armenia and Georgia*. Ed. by Y. Antonyan. Yerevan, Academic Swiss Caucasus Net., 2016. 276 p.
9. Roslof E. *Red Priests: Renovationism, Russian Orthodoxy, and Revolution, 1905–1946*. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 2002. 259 p.
10. Slovo, skazannoe v ograde Mtskhetskogo katolikosskago sobora 12 marta 1917 goda, v den' vosstanovleniia samostoitel'nosti (nezavisimosti) Iverskoi tserkvi [The Oration said near the Mtskheta Catholicos Cathedral on March 12, 1917, the day of restoration of the independence (independence) of the Georgian church]. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN* [St. Petersburg Branch of the RAS Archive]. Fund 192, list 3, file 107, pp. 101–103. (In Russian)
11. Za episkopskim sluzheniem (Mysli i chuvstva mirianina) [At the Bishop's Service (Thoughts and Feelings of a Layman)]. *Sankt-Peterburgskii filial Arkhiva RAN* [St. Petersburg Branch of the RAS Archive]. Fund 192, list 3, file 98, pp. 10–13. (In Russian)

For citation: Chumakova T. V. Vladimir N. Beneshevich on the Church and Revolution. *Vestnik SPbSU. Philosophy and Conflict Studies*, 2017, vol. 33, issue 4, pp. 414–424. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu17.2017.403>

Received: 01.06.2017

Accepted: 13.06.2017